

Постановление Европейского Суда по правам человека по делу *Карелин против России* (жалоба № 926/08) от 20 сентября 2016 года*

По делу *Карелин против России* Европейский Суд по правам человека (Третья секция), рассматривая дело Палатой в составе:

Председателя Палаты

Луис Лопес Герра,

судей

Хелена Ядерблом,

Йоханнес Силвис,

Дмитрий Дедов,

Бранко Лубарда,

Алена Полачкова,

Георгиос А. Сергидес,

а также при участии Фатош Арачи, *заместителя Секретаря Секции Суда* в закрытом заседании 30 августа 2016 года вынес в указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 926/08, поданной против Российской Федерации в Суд в соответствии со статьёй 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) гражданином России Михаилом Юрьевичем Карелиным (*далее* — заявитель) 19 ноября 2013 года.

2. Российское правительство (*далее* — Правительство) было представлено Г. Матюшкиным, представителем Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. 2 июля 2012 года заявитель подал ещё одну жалобу в отношении отсутствия стороны обвинения в проходившем в 2012 году в России процессе.

4. 29 января 2014 года жалоба на отсутствие стороны обвинения в процессе 2012 года была доведена до сведения Правительства, в оставшейся части поданная в Суд жалоба с первоначальными претензиями, заявленными в ноябре 2007 года, была признана неприемлемой.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1970 году и проживает в г. Набережные Челны.

6. 4 марта 2012 года заявитель был арестован полицейским З. по обвинению в поведении, нарушающем общественный порядок, что, согласно статье 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (*далее* — КоАП), считается правонарушением, влекущим наложение административного штрафа или административный арест на срок до пятнадцати суток. Заявителя затем отвезли в полицейский участок, где его задержали ещё на какое-то время.

7. В участке полицейский З. составил протокол об административном правонарушении, тем самым возбудив против заявителя производство по делу об административном правонарушении. В протоколе указывалось:

«4 марта 2012 года

В соответствии со статьёй 28.3 Кодекса об административных правонарушениях мною было установлено следующее:

[Заявитель] был в нетрезвом состоянии, размахивал руками и нецензурно выражался на проходящих мимо людей; хотел ввязаться в драку и, невзирая на

* European Court of Human Rights. *Karelin v. Russia*. Application no. 926/08. Judgment of 20 September 2016. Перевод с английского — *Екатерины Александровны Лунёвой*.

замечания прохожих, своего поведения не исправлял. Соответственно, он грубо нарушил общественный порядок и совершил административное правонарушение в соответствии со статьёй 20.1 КоАП.

Факт совершения правонарушения подтверждает: свидетель К.

[Заявителю] было сообщено о его правах и обязанностях в соответствии со статьями 48 и 51 Конституции и статьями 1.5, 24.2 и 25.1 КоАП: лицо, привлекаемое к ответственности за совершение административного правонарушения, в том числе имеет право на доступ ко всем материалам дела, дачу свидетельских показаний, приобщение доказательств, заявление промежуточных ходатайств и протестов, а также получение юридической помощи.

<...>

Решение: передать дело в суд

Подпись: заместитель начальника участка, 5 марта 2012 года».

8. Сотрудник полиции З. также составил протокол о нецензурных выражениях заявителя в адрес прохожих.

9. По всей видимости, один из них, прохожий Н., согласился написать заявление о том, что заявитель был в нетрезвом состоянии и использовал нецензурные выражения.

10. 5 марта 2012 года полицейский представил протокол своему начальнику, который решил, что дело следует передать в суд.

11. В один из дней, дата которого не уточняется, материалы дела об административном правонарушении были переданы на разрешение мировому судье. Похоже, что в материалах содержался протокол об административном правонарушении, отчёт З. и заявление Н., но неясно, имелось ли на тот момент письменное заявление К.

12. 29 марта 2012 года мировой судья провёл заседание (открытое или закрытое — не уточняется).

13. Заявитель письменно подтвердил, что был ознакомлен со своими процессуальными правами.

14. Судя по вынесенному судебному решению (см. ниже), в ходе судебного разбирательства заявитель обвинялся в использовании нецензурных выражений в нетрезвом состоянии и в присутствии других людей, что составляло нарушение общественного порядка.

15. Заявитель был юристом и законного представителя себе назначать не стал. Он сказал, что невиновен, и сделал устное заявление относительно выдвинутого против него обвинения.

16. После соответствующего запроса полицейский З. пришёл и выступил в судебном заседании. Суд также заслушал Н. и К., и, по-видимому, мировой судья им задал несколько вопросов.

17. В своём решении от 29 марта 2012 года мировой судья признал заявителя виновным и наложил на него штраф в размере 500 рублей (или 13 евро по текущему курсу). В решении говорилось следующее:

«Суд постановил, что, будучи в нетрезвом состоянии, ответчик выражался нецензурно в присутствии других людей, тем самым нарушая общественный порядок...

Вина ответчика подтверждается протоколом З. и показаниями Н. ...Использование нецензурных выражений в общественном месте недопустимо и представляет собой нарушение общественного порядка... По мнению суда, использование ненормативной лексики в общественном месте в присутствии как минимум одного человека составляет правонарушение по статье 20.1 КоАП... К тому же ответчик продолжал использовать нецензурные слова во время ареста и по дороге в полицейский участок».

18. Заявитель обратился в Городской суд Набережных Челнов. Он, в частности, утверждал, что в протоколе говорилось о его нецензурных выражениях «в адрес прохожих», а в решении мирового судьи формулировка обвинения указывала на использование нецензурных слов «в присутствии других людей»; судья не взял из протокола фразу о том, что заявитель «своё поведение [не исправлял], невзирая на замечания прохожих».

19. 16 апреля 2012 года в Городском суде состоялось слушание дела, но неясно, было ли оно открытым. Апелляционный суд рассмотрел дело заявителя и оставил в силе решение от 29 марта 2012 года. В указанный день решение апелляционного суда и суда первой инстанции стало окончательным. Апелляционный суд постановил следующее:

«[Заявитель] был осужден мировым судьёй за использование нецензурных слов в присутствии других лиц, что являлось нарушением общественного порядка...

Апелляционный суд отклоняет довод о том, что простое использование ненормативной лексики в отношении одного человека не свидетельствует о правонарушении. Правонарушение в виде нарушения общественного порядка составляют такие действия, которые нарушают общественный порядок и покой. Подобные действия включают использование нецензурных слов в общественном месте, оскорбление людей, уничтожение или порчу чужого имущества... Каждое из этих действий может представлять собой поведение, нарушающее общественный порядок, если оно нарушает общественный порядок и демонстрирует явное неуважение к обществу...

Некоторые противоречия в фактах, содержащиеся в протоколе об административном правонарушении, протоколе, составленном З., и показаниях Н. (в отношении использования нецензурной лексики в силу бескультурья, а не в адрес прохожих), прояснились в ходе судебного разбирательства после выступления свидетелей...»

20. Заявитель обратился с требованием о пересмотре дела к заместителю Председателя Верховного Суда Республики Татарстан в порядке надзора в соответствии со статьёй 30.12 КоАП. Рассмотрев материалы дела, заместитель Председателя своим решением от 15 июня 2012 года оставил в силе судебные решения от 29 марта и 16 апреля 2012 года.

21. В Верховный Суд Российской Федерации заявитель обращаться не стал.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРЕННЕЕ ПРАВО

А. Начало и участники производства по делам об административных правонарушениях по Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП)

22. Согласно статье 28.1 КоАП, возбуждение дела об административном правонарушении осуществляется компетентным должностным лицом, таким как, например, сотрудник полиции или прокуратуры.

23. Глава 25 КоАП содержит положения, касающиеся «участников производства по делам об административных правонарушениях», а именно ответчика, потерпевшего, их представителей и адвокатов, свидетелей, понятых, специалистов и экспертов, перевод-

чиков и прокуроров. Статья 25.11 уполномочивает прокурора возбуждать дела об административных правонарушениях, принимать участие в рассмотрении дела, представлять доказательства, заявлять ходатайства и давать заключения по вопросам, возникающим в ходе рассмотрения дела, а также обжаловать вынесенное по делу решение независимо от своего участия в процессе.

24. Статья 30.1 КоАП предусматривает, что ответчик, потерпевший, их представители и адвокаты имеют право обжаловать решение, вынесенное по делу об административном правонарушении. В 2010 году право на подачу апелляционной жалобы было распространено на должностное лицо, составившее протокол об административном правонарушении (а впоследствии и вообще на должностных лиц, в принципе уполномоченных составлять протоколы).

25. Должностное лицо, составившее протокол об административном правонарушении, и государственный / внесудебный орган государственной власти, вынесший решение по делу, не рассматриваются ни в качестве «участников» по главе 25 КоАП, ни в качестве «стороны, поддерживающей обвинение» (Определения Конституционного Суда от 24 июня 2014 года № 1311-О и 1312-О). Такие должностные лица занимаются сбором доказательств (Определение Конституционного Суда от 25 сентября 2014 года № 2157-О). Они не могут подавать заявлять ходатайства, но могут вызываться в суд для «дачи разъяснений» (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 марта 2005 года № 5).

В. Рассмотрение дела в соответствии с КоАП

26. Статья 26.2 КоАП определяет «доказательства» как любые фактические данные, на основании которых устанавливается наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Эти данные устанавливаются протоколом об административном правонарушении, иными протоколами, предусмотренными КоАП, объяснениями лица, в отношении которого ведётся дело об административном

правонарушении, показаниями потерпевшего, свидетелей, заключениями экспертов. Протокол об административном правонарушении является процессуальным документом, фиксирующим фактические данные, имеющие значение для правильного разрешения дела (Определение Конституционного Суда от 27 января 2011 года № 89-О-О).

27. Статья 1.5 КоАП закрепляет презумпцию невиновности. Должностное лицо или судебный орган, рассматривающий дело об административном правонарушении, должны установить, является ли привлекаемое к ответственности лицо виновным (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5).

28. Дела об административных правонарушениях подлежат открытому рассмотрению, за исключением случаев, если это может привести к разглашению государственной или иной охраняемой законом тайны или если этого требует защита чести и достоинства лиц, участвующих в производстве по административному делу (статья 24.3 КоАП)

29. Часть 4 статьи 25.1 КоАП предусматривает, что лицо, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении, вправе ознакомиться со всеми материалами дела, давать объяснения, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, а также пользоваться юридической помощью защитника. По мнению Конституционного Суда, вышеназванные гарантии позволили соответствующему лицу в ходе судебного разбирательства опровергнуть информацию, содержащуюся в материалах дела, в частности в протоколе об административном правонарушении, тем самым реализовав право на судебную защиту в соответствии с принципом состязательности (Определение Конституционного Суда от 17 июня 2010 года № 925-О-О).

30. Хотя в протоколе об административном правонарушении и должна быть указана статья КоАП, на основании которой лицо привлекается к ответственности, право окончательной административно-правовой квалификации принадлежит суду. Если суд решит, что в протоколе административное правонарушение было классифицировано неправильно, то он может изменить квалификацию соответствующего действия (бездействия) по другой статье КоАП в отношении примени-

мого вида наказания и при условии, что это не ухудшит положение лица, привлекаемого к административной ответственности (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5, пункт 20). В случае неправильной квалификации административного правонарушения в протоколе суд вправе вынести решение по делу на основании правильной квалификации административного правонарушения. В таком случае фактическое описание правонарушения и приобщённые к делу доказательства должны быть достаточными для принятия судом решения на основании иной административно-правовой квалификации деяния (Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 года № 10, пункт 8).

31. Конституционный Суд указал на то, что часть 2 статьи 118 и часть 3 статьи 123 Конституции Российской Федерации закрепляют принцип равенства сторон и состязательный характер процесса, в том числе и в отношении привлечения к ответственности на основании КоАП. Данные конституционные гарантии (непосредственно) учитываются судами, но не применяются при рассмотрении дел должностными лицами или внесудебными органами (Определение Конституционного Суда от 23 апреля 2013 года № 630-О). Однако привлекаемое к административной ответственности лицо может обратиться за судебным пересмотром соответствующего решения, в процессе которого должны обеспечиваться состязательность и равенство сторон (там же).

32. Рассматривая вопрос о соответствии норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации Конституции, Конституционный Суд указал на то, что наделение суда функциями, которые обычно выполняет сторона обвинения, противоречит статье 123 Конституции и препятствует независимому и беспристрастному отправлению правосудия (см., среди прочего, Постановление Конституционного Суда от 2 июля 2013 года № 16-П).

33. Статья 29.4 КоАП предусматривает, что при подготовке к рассмотрению дела судья решает вопросы о вызове лиц, указанных в статьях 25.1–25.10 (например, свидетелей и экспертов), об истребовании необходимых дополнительных материалов по делу или о назначении экспертизы. Кроме того, судья должен

решить вопрос о возвращении протокола в орган, составивший его, в случае составления протокола и оформления других материалов дела неправомочными лицами, неправильного составления протокола и оформления других материалов дела либо неполноты представленных материалов, которая не может быть восполнена при рассмотрении дела.

34. В соответствии со статьёй 30.6 КоАП апелляционный суд проверяет законность и обоснованность постановления суда первой инстанции. Для этих целей суд рассматривает имеющиеся в деле и дополнительно представленные материалы, заслушивает объяснения ответчика и, при необходимости, других лиц, а также исследует прочие доказательства и осуществляет иные процессуальные действия. Апелляционный суд не связан доводами апелляционной жалобы и проверяет дело в полном объёме.

35. Конституционный Суд указал на то, что в целях выполнения установленного законом требования о «полном и объективном» рассмотрении дела судья наделяется законом полномочиями на то, чтобы заслушивать участников процесса, исследовать доказательства, а также «осуществлять другие необходимые процессуальные меры по проверке приемлемости и достоверности доказательств, в частности путём вызова свидетелей по собственной инициативе, включая должностное лицо, составившее протокол об административном правонарушении или иной связанный с этим протокол». Эти действия скорее направлены на дальнейшее исследование имеющихся (в материалах дела) доказательств, а не на сбор новых. Указанные полномочия не могут считаться несовместимыми с ролью судьи и полностью соответствует конституционному принципу состязательного процесса в соответствии с КоАП (Определение Конституционного Суда от 6 июля 2010 года № 1086-О; Определение Конституционного Суда от 29 мая 2012 года № 884-О; Определение Конституционного Суда от 23 апреля 2015 года № 763-О).

36. В частности, Определением от 18 сентября 2014 года № 1817-О Конституционный Суд признал статью 26.9 КоАП конституционной в той степени, в которой она толкуется как позволяющая «должностному лицу», в том числе и судье первой инстанции, направить «должностному лицу» (снова имеется в

виду судья) в другом городе запрос произвести опрос должностного лица, подготовившего материалы по делу об административном правонарушении. Судья, получивший такой запрос, может об этом уведомить ответчика, которому не запрещается присутствовать при допросе.

В вышесказанном деле судья Арановский выразил особое, которое звучит следующим образом. Подобный запрос приравнивается к сбору доказательств, который должен осуществляться сторонами, участвующими в процессе. Исключение допускается в гражданском и арбитражном судопроизводстве в делах из публичных правоотношений. В таких делах допускается определённое ограничение принципа состязательности в силу того, что это связано с защитой собственных прав и свобод от предполагаемого их нарушения актами, решениями действиями (бездействием) субъектов публичной власти. Как правило, неоднозначной является возможность суда исправлять недостатки или восполнять пробелы в попытках органа публичной власти доказать вину обвиняемого. Помощь суда в собирании доказательств является приемлемой лишь в редких случаях, предусмотренных законом, в частности по просьбе одной из сторон, считающейся более слабой, как, к примеру, в спорах с органами публичной власти. Согласно КоАП, в случае недостаточности доказательств или их получения с нарушением применимых правил, материалы дела должны быть возвращены судьёй органу или должностному лицу, возбуждавшему дело. «Полное и объективное рассмотрение дела» не рассматривается как конституционно охраняемая ценность.

37. Последний анализ ряда проблем, связанных с разбирательством в порядке КоАП, содержится в докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 год (как они приводятся в *Mikhaylova v. Russia*, no. 46998/08, § 40, 19 November 2015).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

38. Заявитель обжаловал то, что отсутствие стороны обвинения в возбужденном про-

тив него деле об административном правонарушении повлекло за собой нарушение статьи 6 Конвенции, которая устанавливает:

«1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона...»

А. Приемлемость жалобы

39. Во-первых, власти Российской Федерации посчитали, что заявитель не был поставлен в «достаточно неблагоприятное положение» (см., среди прочего, *Görgün v. Turkey* (dec.), no. 42978/06, 16 September 2014).

40. По утверждению заявителя, несмотря на небольшую сумму наложенного на него штрафа, привлечение его к ответственности затрагивало важные вопросы, касающиеся системных недостатков национального права, приводящих к нарушению требования о беспристрастности и (или) принципа равенства сторон и состязательного процесса.

41. Суд признаёт, что размер наложенного на заявителя штрафа был небольшим, даже по национальными меркам. В то же время Суд отмечает, что данное дело касается проблемы, связанной с отсутствием в деле стороны обвинения при производстве в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях относительно. Тот же вопрос возникает в ряде аналогичных касающихся России жалоб, находящихся на рассмотрении в ЕСПЧ. Принимая во внимание характер затронутого в данном деле вопроса, который может касаться важной принципиальной проблемы, Суд не считает целесообразным отклонение заявления со ссылкой на пункт 3(б) статьи 35 Конвенции (см. *Berladir and Others v. Russia*, no. 34202/06, § 34, 10 July 2012; и дело *Mikhaylova*, см. выше § 40 и 49).

42. Во-вторых, власти Российской Федерации, по сути, утверждали, что уголовно-правовой элемент статьи 6 Конвенции к делу заявителя был неприменим. Заявителю всего лишь грозил либо штраф в размере до 1000 рублей, либо задержание сроком пятнадцать суток. Серьёзность таких санкций не

составима с уголовным наказанием. Принимая во внимание свою практику по делам об административных правонарушениях, связанных с лишением свободы, (см., среди прочего, *Malofeyeva v. Russia*, no. 36673/04, § 99–100, 30 May 2013 и дело *Mikhaylova* (цитируется выше)), Суд приходит к выводу, что уголовно-правовой элемент статьи 6 Конвенции к делу заявителя применим.

43. Правительство-ответчик не заявляло, а потому у Суда нет оснований полагать, что заявитель не исчерпал внутренние средства правовой защиты в отношении настоящей жалобы.

44. Наконец, Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3(а) статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой для рассмотрения дела по существу.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

а) Доводы властей Российской Федерации

45. По утверждению российских властей, прокурор вправе возбуждать дело об административном правонарушении, принимать участие в разбирательстве и обжаловать решения. Они согласились с тем, что КоАП не предусматривал обязательное участие государственного обвинителя в каждом деле об административном правонарушении. Однако настоящее дело отличается от ситуации, рассмотренной Судом в деле *Ozerov v. Russia* (no. 64962/01, Judgment of 18 May 2010, § 47–58), которое касалось отсутствия государственного обвинителя в отдельно взятом слушании по уголовному делу, в котором обвинение грозило заявителю долгим тюремным сроком. В отличие от этого дела заявителю грозил лишь штраф в размере 1000 руб. или задержание сроком 15 суток.

46. Должностное лицо или орган, возбуждавший производство вследствие составления протокола об административном правонарушении, отвечал за «указание и перечисление» доказательств вины ответчика. И хотя это должностное лицо участником судеб-

ного процесса не являлось, суд мог вызвать его на допрос. У ответчика была возможность опровергнуть информацию, содержащуюся в протоколе о правонарушении и других документах, чего было достаточно для соблюдения принципа состязательности процесса.

47. Что касается требования о беспристрастности в связи с отсутствием на слушании представителя прокуратуры, то власти Российской Федерации утверждает, что при вынесении решения судья первой инстанции сузил круг фактических обстоятельств в отношении заявителя настолько, насколько они нашли подтверждение имеющимся доказательствами по делу.

48. Ссылаясь на статью 29.4 КоАП, правительство утверждает, что суд был вправе принять решение, в частности, на основании ходатайства обвиняемого, о том, необходимо ли присутствие прокурора, свидетелей или иных лиц; а также относительно истребования определённых документов или поручения подготовить экспертное заключение (см. выше пункт 33).

б) Доводы заявителя

49. Заявитель утверждал, что в отсутствие какого-либо органа или должностного лица, поддерживающего обвинение по делу, бремя доказывания вины лежало исключительно на судье, у которого не было другого выбора, кроме как запрашивать доводы в опровержение позиции заявителя по собственной инициативе. Это не могло не нарушить баланс в оценке доказательств. Роль полицейского З. в ходе судебного процесса не была ролью должностного лица, уполномоченного доказывать вину заявителя в совершении административного правонарушения. То же самое касалось апелляционного пересмотра, на котором должностное лицо З. даже не присутствовал. Кроме того, беспристрастность судьи была подорвана тем, что судья изменил выдвинутое против заявителя обвинение по сравнению с его формулировкой в протоколе об административном правонарушении. В ходе слушания заявитель не был проинформирован о возможном изменении судьёй формулировки обвинения и вменения ему в вину деяний, основанных на иных фактических обстоятельствах. Если бы заявитель об этом знал, то использовал бы другую стратегию защиты.

50. Что касается равенства сторон и принципа состязательности, то заявитель утверждал, что наличие стороны обвинения является ключевым признаком состязательной процедуры (государственный орган и, возможно, потерпевшие). Возбудив дело, сторона обвинения формулирует основания привлечения к ответственности и доказывает их в суде. Таким образом, недопустимо было делегировать судью функциями органа, поддерживающего обвинение. Процессуальная роль должностного лица, составившего протокол об административном правонарушении, не может быть приравнена к роли органа, поддерживающего обвинение.

2. Доводы Суда

а) Общие принципы, касающиеся беспристрастности

(i) Общие соображения

51. Суд напоминает, что беспристрастность обычно означает отсутствие предрассудков и предубеждений и что её наличие или отсутствие можно проверить различными способами. Факт наличия (бес)пристрастности по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции должен быть установлен в ходе проверки субъективных качеств лица с учётом личных убеждений и поведения конкретного судьи, то есть имелись ли у судьи предрассудки и предубеждения в отношении конкретного дела; а также в соответствии с проверкой объективной беспристрастности, то есть путём установления того, обеспечивал ли сам суд, в том числе по таким аспектам, как состав суда, достаточные гарантии, исключающие любое обоснованное сомнение в беспристрастности суда (например, см. *Kyprianou v. Cyprus* [GC], no. 73797/01, § 118, ECHR 2005-XIII; *Micallef v. Malta* [GC], no. 17056/06, § 93, ECHR 2009, *Morice v. France* [GC], no. 29369/10, § 73–78, ECHR 2015). Что касается объективного теста, то независимо от поведения судьи необходимо определить, существуют ли очевидные факты, вызывающие сомнения в беспристрастности судьи. Это означает, что при решении вопроса о том, существуют ли реальные основания для сомнения в пристрастности отдельного судьи или коллегии судей, точка зрения заинтересованного лица имеет большое значение, но не является решающей. Решающим фактором является

то, сможет ли это опасение считаться объективно обоснованным (см. выше *Micallef* § 96).

52. Суд ранее уже приходил к выводу, что присутствие на заседании может иметь большое значение, например, для оценки соответствия требованию об объективной беспристрастности или сохранения доверия, которое суды должны поддерживать к себе в демократическом обществе (см. *Lindon, Otchakovsky-Laurens and July v. France* [GC], nos. 21279/02 и 36448/02, § 77, ECHR 2007IV; *Sara Lind Eggertsdóttir v. Iceland*, no. 31930/04, § 42, ECHR 2007VIII; *Korolev v. Russia* (no. 2), no. 5447/03, § 32, 1 April 2010). При проведении такой оценки делается упор на то, существуют ли реальные основания полагать, что конкретный судья не является достаточно беспристрастным, и существуют объективные основания для такого опасения (там же). Что касается принципа равенства сторон, в деле *Stoimenov v. the former Yugoslav Republic of Macedonia* (no. 17995/02, § 40–42, 5 April 2007) Суд также обратил внимание на проблему «присутствия на заседании», придя к выводу, что заключение Криминалистического бюро, государственного учреждения, приравнивалось к доказательству вины, используемого обвинением, и что отказ от альтернативной экспертизы и неспособность заявителя оспорить заключение Бюро нарушили принцип равенства сторон (см. также *Shulepova v. Russia*, no. 34449/03, § 65–67, 11 December 2008).

(ii) *Примеры*

53. Суд изучил несколько дел, в которых опасения в предвзятости суда появлялись из-за отсутствия на слушании прокурора.

54. В деле *Thorgeir Thorgeirson v. Iceland* (judgment of 25 June 1992, § 46–54, Series A no. 239) Суд не установил нарушения пункта 1 статьи 6, указав, что опасения заявителя об отсутствии беспристрастности не были объективно оправданы. Хотя прокурор отсутствовал на некоторых слушаниях в суде первой инстанции, от суда не требовалось проводить какое-либо расследование по существу уголовного дела и суд не надеялся какими-либо функциями, которые могли бы быть выполнены присутствующим представителем обвинения. Действия судьи состояли в том числе в том, чтобы задавать вопросы, относящиеся к существу обвинения против ответчика (§ 16 Постановления).

55. В деле *Ozerov* (см. выше, § 52 Постановления) прокурор отсутствовал в течение всего процесса. Оспариваемые действия судьи, включали оглашение обвинительного заключения, представленного прокуратурой; самостоятельный вызов судьёй и допрос им свидетеля, который дал обвинительные показания, на основании которых районный суд вынес своё решение. Суд отметил, что совокупность доказательств, на которых районный суд основывал обвинение, была изменена после того, как судья сам представил новые доказательства вины, и когда некоторые доказательства, представленные прокуратурой, были перенесены в обвинительное заключение. Кроме того, это было сделано в отсутствие прокурора, который мог бы заявить об этих изменениях (§ 53 Постановления). Суд постановил следующее:

«54. Если бы прокурор присутствовал при разбирательстве дела в суде, он бы в том числе делал заявления и принимал участие в исследовании доказательств. Его исключительная роль состояла бы либо в поддержании пунктов обвинения, выдвинутого против заявителя до суда, либо в их опровержении, если бы в ходе разбирательства он счёл неубедительными доказательства, представленные в материалах дела... Та подготовительная работа, которую он проделал в виде составления обвинительного заключения перед судом, несомненно, важна. Но поддержать или отклонить обвинение он должен был в ходе слушания дела в районном суде, с учётом начатого против заявителя судебного расследования, которое, по сути, и привело к появлению обвинения в совокупности доказательств. Было бы неверно делать предположения относительно последовательности действий прокурора и их возможного влияния на исход разбирательства дела. И для данного дела это большого значения не имеет. Важно то, что при рассмотрении дела по существу и осуждении заявителя без участия прокурора районный суд смешал роль прокурора и судьи, что вызвало правомерные сомнения в его беспристрастности. Присутствие на слушании потерпевших никак не повлияло на ситуацию, поскольку дело касалось не частного, а государственного обвинения».

56. Аналогичным образом, в деле *Krivoshapkin v. Russia* (но. 42224/02, § 44–45, 27 January 2011) в отсутствие прокурора судья первой инстанции, среди прочего, допросил подсудимых и свидетелей, которые присутствовали на судебном заседании. Несмотря на то что подсудимый не признал себя виновным, суд постановил, что его вина установлена на основании рассмотренных доказательств. С учётом обстоятельств дела Суд решил, что суд первой инстанции не обеспечил гарантии состязательности уголовного процесса и смешал функции прокурора и судьи: судья взял на себя роль прокурора, исследовал вопросы, установил вину заявителя и назначил наказание.

57. В деле *Weh and Weh v. Austria* ((dec.), но. 38544/97, 4 July 2002) Суд имел дело с ситуацией, в которой окружной орган — административный (несудебный орган — сам принял решение («уголовный ордер»), ставшее оспариваемым, и затем стал участником судебного процесса в роли органа, поддерживающего обвинение, перед Независимой административной комиссией. В связи с этим Суд сделал следующие выводы:

«Суд подчёркивает, что передача функций обвинения и назначения наказания по мелким правонарушениям административным органам, самим по себе не соответствующим требованиям пункта 1 статьи 6 Конвенции — как в данном случае окружной администрации — не противоречит Конвенции при условии, что заинтересованное лицо имеет возможность оспорить любое решение, направленное против него, в судебный орган, который обеспечивает гарантии, предусмотренные статьёй 6...

Заявитель не утверждал и в деле ничто не указывает на такую передачу стороне обвинения процессуальных прав, которая могла бы поставить обвинение в более благоприятное положение, чем то, в котором находится обвиняемый.

Тем не менее жалобы заявителей о том, что Независимая административная комиссия провела слушание в отсутствие стороны обвинения, может поднять вопрос о беспристрастности комиссии. В связи с этим Суд отмечает, что он рассматривал схожую жалобу в рамках дела *Thorgeir Thorgeirson v. Iceland*, касающуюся уголовного дела о клевете, в котором было

проведено несколько заседаний суда первой инстанции в отсутствие прокурора. Суд не установил нарушения статьи 6 на том основании, что на заседаниях, проведённых в отсутствие прокурора, суд не должен был расследовать обстоятельства дела или брать на себя функцию, которая могла бы быть выполнена прокурором в случае его присутствия (Judgment of 25 June 1992, Series A no. 239, p. 24, § 53).

В отличие от дела *Thorgeirson*, которое касалось уголовного производства, классифицированного как уголовное в соответствии с внутренним законодательством в суде первой инстанции, данное дело касается процессов, которые классифицируются как административные в соответствии с национальным законодательством и рассматриваются административными органами по первой инстанции. Таким образом, Независимая административная комиссия, хотя и является судебным органом первой инстанции, занимающимся рассмотрением дела, во внутригосударственной системе занимает место апелляционного суда. В этом контексте Суд напоминает, что применение статьи 6 к апелляционному производству зависит от особенностей судебного разбирательства: необходимо учитывать в полном объёме особенности процесса и роль апелляционного суда в национальном законодательстве... Суд отмечает, в частности, что процедура обжалования перед Независимой административной комиссией носит квазисудебный характер органа низшей инстанции... В ходе этого процесса административный орган должен провести официальное расследование в порядке, установленном в Законе об административных правонарушениях; обвиняемому должно быть сообщено обо всех собранных доказательствах, а перед вынесением уголовного наказания должна быть предоставлена возможность представить свою защиту.

Наконец, в данном деле нет никаких особых обстоятельств, которые указывали бы на то, что Независимая административная комиссия взяла на себя какие-либо функции, которые могли бы выполнить органы поддерживающие обвинение (prosecution), если бы они присутствовали при разбирательстве. В данном деле,

касающемся незначительных нарушений правил дорожного движения, ответчики разъяснили свою позицию, возражая против предварительного решения о назначении наказания, им была предоставлена возможность представить свою защиту перед вынесением решения о наказании и ещё раз привести доводы в свою защиту в ходе апелляционного обжалования. С другой стороны, в решении о назначении наказания, которое представляет собой предъявление обвинения в Независимой административной комиссии, были изложены факты дела, которые, по мнению окружного органа, являются релевантными, и правовая оценка вменяемых деяний. Таким образом, Независимой административной комиссии были представлены позиции обеих сторон. Суд также отмечает, что соответствующая процедура не предусматривает устного представления обвинений со стороны обвинения. Более того, как было указано правительством, Независимая административная комиссия обязана установить в своём собственном ходатайстве инкриминирующие и реабилитирующие обвиняемого обстоятельства. Это обязательство существует независимо от присутствия на слушании административного органа, принявшего решение о назначении наказания. Наконец, в деле нет никаких особых обстоятельств, указывающих на то, что Независимая административная комиссия осуществляла какие-либо функции, которые могли бы быть выполнены стороной обвинения в случае её участия в разбирательстве.

В заключение Суд приходит к выводу, что отсутствие представителя окружного органа, то есть стороны обвинения, на заседании Независимой административной комиссии не вызывает объективно обоснованных опасений относительно беспристрастности этого органа».

b) Применение общих принципов в настоящем деле

(i) Пределы рассмотрения дела

58. Заявитель утверждал, что отсутствие органа, поддерживающего обвинение, в процессе по делу об административном правонарушении и, в частности, более конкретный вопрос отсутствия представителя обвинения

на заседаниях суда может затрагивать два взаимосвязанных, но с юридической точки зрения различных, вопроса относительно (i) неблагоприятного воздействия на беспристрастность судов первой и апелляционной инстанций; и (ii) практической реализации принципа равенства и состязательности сторон.

59. Как уже отмечалось Судом, существует тесная связь между различными гарантиями и процессуальными возможностями в соответствии со статьёй 6 Конвенции и тем порядком, в котором они в данном деле сочетаются и дополняют друг друга, обеспечивая реализацию основополагающего принципа справедливости. Таким образом, можно предположить, что отсутствие стороны обвинения и, следовательно, её отсутствие на заседаниях судов первой или апелляционной инстанций, в свою очередь, может иметь последствия для представления и обоснования доказательств и обвинения, и наоборот.

(ii) Особенности национальной процедуры

60. Перед оценкой отдельных претензий заявителя Суд считает целесообразным выделить ряд особенностей производства по делам об административных правонарушениях, которые рассматриваются судами общей юрисдикции в России.

61. Суд отмечает, что, согласно КоАП, производство начинается несудебным органом (как правило, как и в данном деле, полицией). Суд также отмечает, что КоАП предоставляет органам прокуратуры широкие дискреционные полномочия по возбуждению дел об административных правонарушениях и участию в инициированных процессах. Иными словами, КоАП не требует от прокурора участия в заседании и не предусматривает каких-либо последствий его неучастия. Суд отклоняет довод российского правительства о том, что статья 29.4 КоАП даёт суду первой инстанции возможность требовать присутствия прокурора. Указанное положение содержит исчерпывающий перечень лиц, чье присутствие может потребоваться (см. выше пункт 33); однако прокурора в этом списке нет. Так как в рассматриваемом деле прокурор не принимал какого-либо участия, Суд не считает необходимым делать какие-либо дальнейшие выводы относительно его роли в процессе.

62. Во-вторых, следует отметить, что роль полиции заключалась в составлении «протокола об административном правонарушении» и его передаче в суд. Нельзя сказать, что на этой стадии разбирательства полиция исполняла роль «судебного органа» в плане «определения уголовного обвинения».

63. Об этом не было заявлено, и Суд не установил, что в процессе составления протокола об административном правонарушении имеется состязательный элемент, который бы позволил принять во внимание возражения или позицию обвиняемого лица.

64. Кроме того, нельзя сказать, что должностное лицо, составившее протокол об административном правонарушении или другой связанный с этим протокол (например, протокол задержания), рассматривался как сторона по делу. Так, данное лицо не могло представлять частные жалобы до начала судебного разбирательства в суде первой инстанции (а это является одним из основных элементов справедливого судебного разбирательства) и не могло обжаловать решение суда, хотя его могли вызвать для дачи разъяснений.

65. Соответственно, Суд считает, что указанное должностное лицо не являлось ни «сотрудником прокуратуры», ни «стороной обвинения» в смысле государственного должностного лица, назначенного выступать в качестве противостоящей ответчику стороны в деле об административном правонарушении, а также представлять и отстаивать позицию обвинения от имени государства перед судьёй. Следовательно, Суд приходит к выводу о том, что в производстве на основании КоАП действительно отсутствовала сторона обвинения.

66. Суд отмечает, что первым определением «обвинения» являлся протокол об административном правонарушении, на основании которого судья рассматривал дело. Для Суда решающее значение имеет то, приравнивался ли протокол об административном правонарушении к обвинительному заключению, по сути содержащему основные элементы «обвинения» и «характера и причин обвинения» по смыслу пунктов 1 и 3(а) статьи 6 Конвенции и обосновывающему их со ссылкой на имеющиеся доказательства. Суд принял к сведению мнение Уполномоченного по правам человека в Российской

Федерации (см. выше пункт 37) о том, что протокол об административном правонарушении мог использоваться или использовался в качестве одного из доказательств. Однако в рассматриваемом деле в решении суда первой инстанции не указывается, что протокол об административном правонарушении сам по себе рассматривался как доказательство, устанавливающее вину ответчика. Суд соглашается с тем, что содержащаяся в нём информация может расцениваться как фактоустанавливающее доказательство. Апелляционный суд ссылаясь на протокол как на устанавливающий «факт правонарушения» (см. выше пункт 19). Протокол сопровождался подтверждающими доказательствами (см. выше пункт 11). В принципе, во время судебного рассмотрения дела ответчику была предоставлена возможность оспорить содержащуюся в протоколе информацию с формальной или процессуальной стороны.

67. Наконец, при рассмотрении настоящего дела имеют некоторое значение следующие соображения. Суд отмечает, что КоАП предусматривает проведение устного слушания (см. выше пункт 28), которое состоялось в суде первой инстанции и апелляционном суде. С учётом презумпции в пользу открытого заседания, закреплённой в законе, и отсутствия связанной с этим жалобы Суд склонен считать, что в отношении заявителя были проведены открытые заседания в суде первой и апелляционной инстанции. На заседаниях не было никого, кто бы опроверг показания заявителя (например, потерпевшего). Также отмечается, что заявитель не признал себя виновным.

68. С учётом специфики вышеописанной процедуры и принятых в деле заявителя мер Суд переходит к рассмотрению того, нарушает ли статью 6 Конвенции отсутствие органа, поддерживающего обвинение, в данном деле.

(iii) Соблюдение требования о беспристрастности

69. Прежде всего Суд отмечает отсутствие каких-либо заявлений о или доказательств того, что суды первой или апелляционной инстанций не были беспристрастны. Таким образом, по субъективной оценке, вопроса беспристрастности в данном деле не возникает.

70. Суду предстоит определить, ведут ли определённые утверждения заявителя в совокупности с применимой процедурой к об-

основанным сомнениям в беспристрастности суда первой инстанции.

71. Во-первых, Суд отмечает, что вопрос о беспристрастности был поднят заявителем в ходе устного открытого слушания по его делу.

72. Суд также отмечает, что отсутствие стороны обвинения повлияло на действие принципа презумпции невиновности в ходе судебного разбирательства и, как следствие, на вопрос беспристрастности суда первой инстанции, и наоборот. Поэтому Суд подчёркивает, что пункт 2 статьи 6 Конвенции гарантирует право «считаться невиновным, пока вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке». Презумпция невиновности нарушается в том случае, если по факту или по праву (например, в силу правовой презумпции) бремя доказывания переносится с обвинения на защиту (см. *Telfner v. Austria*, по. 33501/96, § 15, 20 March 2001).

73. Имеющаяся информация о содержании и применении соответствующих положений внутреннего права не позволяет Суду выяснить, каким образом работают презумпция невиновности и бремя доказывания в рассматриваемых судами общей юрисдикции делах об административных правонарушениях, включая настоящее дело. Суд признаёт, что при сложившихся обстоятельствах суд первой инстанции не мог не взять на себя задачу представления — и, что более важно, несения бремени доказывания — обвинения в ходе устного слушания.

74. Согласно КоАП, суд первой инстанции может также решить потребовать дачи устных показаний, представления документов или составления протокола. Власти Российской Федерации заявляли, что такие решения могут быть приняты «в том числе по просьбе ответчика». Следовательно, это может означать, что подобные решения могут приниматься судом первой инстанции по собственной инициативе. Рассмотрев по данному вопросу ряд решений Конституционного Суда, Суд не считает правовое обоснование, используемое в них, убедительным в отношении вопроса поиска и сбора доказательств судом (см. выше пункты 33–36).

75. Изучив имеющиеся материалы и соответствующие положения внутреннего законодательства и судебной практики, Суд не нашёл достаточных гарантий, исключающих обоснованные сомнения относительно нега-

тивного влияния рассматриваемой процедуры на беспристрастность суда первой инстанции. В этом случае вопрос беспристрастности относится к обстоятельствам, касающимся незначительного правонарушения, и вытекает из конкретной процедуры, а не какого-то действия или бездействия. При этом Суд считает, что беспристрастность не соизмерима с характером и строгостью наказания или тем, какие интересы обвиняемого затрагиваются в судебном процессе.

76. Суд полагает, что в том случае, если устное заседание считается необходимым (например, из-за возможного назначения наказания в виде лишения свободы, как в данном деле) для судебного определения «обвинения в совершении уголовного преступления», и если при предоставлении возможности присутствовать на слушании сторона защиты от неё не отказалась в предусмотренном законом порядке, то присутствие стороны обвинения, как правило, является необходимым для того, чтобы опровергнуть правомерные сомнения, которые в ином случае могут возникнуть в отношении беспристрастности суда (также см. выше *Ozerov*, § 52–54).

77. В отличие от гражданских дел, где одна из сторон может отказаться от присутствия на слушании, в уголовных или попадающих под ту же категорию делах ситуация может быть иной, поскольку, в то время как исход процесса зависит от судьбы, на стороне государственного обвинения обычно лежит обязанность предъявить и обосновать уголовное обвинение с учётом аргументов, которые может противопоставить другая сторона состязательного процесса.

78. Суду остаётся решить, вставал ли вопрос беспристрастности в ходе производства в суде апелляционной инстанции, и если нет, то были ли исправлены недостатки производства в суде первой инстанции в ходе апелляционного производства.

79. Суд отмечает, что кассационное производство было начато заявителем. Иницировавший дело сотрудник не был уполномочен обжаловать решение суда по делу об административном правонарушении, однако обвинитель имел такое право, независимо от своего участия в ходе судебного разбирательства (см. пункты 23–24 выше).

80. Кроме того, похоже, что в суде кассационной инстанции вышеупомянутое долж-

ностное лицо не делало каких-либо письменных представлений, например, в ответ на апелляционную жалобу заявителя. И, по-видимому, не имело на это права. Апелляционный суд не заслушивал никаких должностных лиц. Выслушав заявителя, апелляционный суд оставил в силе решение нижестоящего суда. По мнению Суда, заявитель не высказал никаких обоснованных жалоб, касающихся справедливости апелляционного производства как такового.

81. На этапе апелляционного обжалования проблема, возникающая из-за отсутствия представителя стороны обвинения, может иметь иной характер, если апелляционный суд по просьбе ответчика осуществляет пересмотр уже вынесенного судебного решения. Суд не исключает того, что в случае «определения обвинения» в надлежащем порядке, когда ответчик подаёт апелляцию только по вопросам права, присутствие стороны обвинения может иметь меньшее значение с точки зрения беспристрастности процесса.

82. В связи с этим Суд отмечает, что установленные законом пределы апелляционного производства по КоАП позволяют апелляционному суду осуществить переоценку имеющихся доказательств, изучить дополнительные доказательства и осуществить пересмотр дела в целом, независимо от того, заявляется ли об этом в апелляционной жалобе (см. пункт 34 выше). Таким образом, Суд считает, что, с точки зрения права, апелляционный суд мог исправить некоторые недостатки, отрицательно влияющие на справедливость судебного разбирательства (например, см. *Dallos v. Hungary*, no. 29082/95, § 50–53, ECHR 2001III, и *Abramyan v. Russia*, no. 10709/02, § 37–38, 9 October 2008).

83. В то же время требование о беспристрастности должно также соблюдаться в апелляционном процессе ввиду значительного законного объёма полномочий по пересмотру дела. Соответственно, Суд приходит к выводу, что отсутствие стороны обвинения в апелляционном производстве также являлось серьёзным недостатком, то есть на стадии апелляционного производства не была исправлена проблема беспристрастности, возникшая в ходе разбирательства в суде первой инстанции (см. *De Cubber v. Belgium*, 26 October 1984, § 33, Series A no. 86, и *Kyprianou v. Cyprus* [GC], no. 73797/01, § 134, ECHR 2005XIII).

84. Таким образом, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в части требования о беспристрастном судебном разбирательстве.

85. На основании вышеуказанных выводов Суд не считает необходимым рассматривать факт нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции с точки зрения принципа равенства сторон и состязательности процесса.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

86. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд установил, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, то при необходимости Суд присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

87. Заявитель требовал 7000 евро в качестве компенсации морального вреда.

88. Правительство посчитало эти требования чрезмерными и опротестовало их.

89. Суд присудил заявителю 2500 евро плюс подлежащая уплате сумма налога в качестве компенсации морального вреда.

B. Процентная ставка при отсрочке платежа

90. Суд считает, что процентная ставка за просроченный платеж должна определяться из предельной учётной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ

91. Статья 46 Конвенции предусматривает:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательное постановление Суда по любому делу, сторонами которого они являются.

2. Окончательное постановление суда направляется в Комитет Министров, который осуществляет надзор за его исполнением».

92. Суд напоминает, что в соответствии со статьёй 46 Конвенции Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончатель-

ное постановление Суда по любому делу, сторонами которого они являются и исполнение которого контролируется Комитетом Министров. Из этого, в частности, следует, что постановление Суда, устанавливающее нарушение Конвенции или Протоколов к ней, налагает на государство-ответчика не только обязательство выплатить пострадавшей стороне присуждённые суммы справедливой компенсации, но и определить под наблюдением Комитета Министров меры общего характера и (или), при необходимости, индивидуальные меры, которые должны быть приняты в национальном правовом порядке для прекращения установленного Судом нарушения и максимально возможного устранения неблагоприятных последствий этого нарушения.

93. Суд ранее уже рассматривал заявления, касающиеся внутреннего законодательного регулирования производства по административным правонарушениям в Российской Федерации и установил нарушения статьи 6 Конвенции, в частности, в связи с требованием о справедливости (см. *Meneshcheva v. Russia*, по. 59261/00, § 94–100, ECHR 2006III; *Malofeyeva*, выше, § 97–120; *Kasparov and Others v. Russia*, по. 21613/07, § 36–69, 3 October 2013; *Nemtsov v. Russia*, по. 1774/11, § 81–94, 31 July 2014; *Navalnyy and Yashin v. Russia*, по. 76204/11, § 76–85, 4 December 2014). В рассматриваемом деле было установлено нарушение статьи 6 Конвенции в связи с состоянием внутригосударственного законодательства и судебной практики относительно отсутствия стороны обвинения в делах об административных правонарушениях. Следует отметить, что аналогичные вопросы затрагиваются в ряде жалоб, ожидающих рассмотрения Суда.

94. В принципе, в компетенцию Суда не входит определение того, какие надлежащие меры по возмещению ущерба государство-ответчик может предпринять, чтобы выполнить свои обязательства по статье 46 Конвенции. Но для того, чтобы помочь государство-ответчику выполнить свои обязательства по статье 46 Конвенции, Суд может указать вид индивидуальных и (или) общих мер, которые можно предпринять для прекращения выявленной ситуации (см. *Stanev v. Bulgaria* [GC], по. 36760/06, § 255, 17 January 2012; *Scoppola v. Italy* (по. 2) [GC], по. 10249/03, § 148, ECHR 2009; *Broniowski v. Poland*

[GC], по. 31443/96, § 194, ECHR 2004-V). Суд стремится содействовать быстрому и эффективному исправлению нарушений в национальной системе защиты прав человека. В связи с этим Суд полагает, что для исполнения настоящего решения безусловно требуется принятие общих мер на национальном уровне (см. *Driza v. Albania*, по. 33771/02, § 125, ECHR 2007V, (extracts)).

А. Общие меры по предотвращению сходных нарушений

95. С учетом вывода о нарушении статьи 6 в рассматриваемом деле Суд считает необходимым указать общие меры для предотвращения новых нарушений подобного рода. Суд установил нарушение статьи 6 в связи с рассмотрением в судах общей юрисдикции дела об административном правонарушении без стороны обвинения.

96. Таким образом, Суд полагает, что государство-ответчик при помощи соответствующих мер правового и иного характера должно прежде всего обеспечить в своём внутреннем правовом порядке такой механизм, который в достаточной степени гарантирует беспристрастность судов, занимающихся рассмотрением этой категории дел, путём закрепления участия в слушании органа, осуществляющего обвинение по делу (представителя прокуратуры или иного органа государственной власти) либо посредством иных надлежащих средств.

В. Восстановительные меры в отношении заявителя

97. Суд подчёркивает, что поскольку заявитель был осуждён, невзирая на нарушение его прав, гарантированных статьёй 6 Конвенции, то, по мере возможности, его положение должно быть восстановлено до такой ситуации, в которой соблюдались бы требования данной статьи, и наиболее подходящей формой компенсации, в принципе, был бы пересмотр дела, в случае, если будет заявлено такое требование (см. *Öcalan v. Turkey* [GC], по. 46221/99, § 210 *in fine*, ECHR 2005IV, *Sakhnovskiy v. Russia* [GC], по. 21272/03, § 112, 2 November 2010).

98. В связи с этим Суд отмечает, что, в отличие от статьи 413 Уголовно-процессуаль-

ного кодекса Российской Федерации, КоАП прямо не предусматривает возможности пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам в случае установления Судом факта нарушения Конвенции. Из материалов дела не следует, что заявитель обращался в Верховный Суд Российской Федерации за пересмотром дела в соответствии со статьёй 30.12 КоАП. По-видимому, это средство судебной защиты остаётся для заявителя доступным и, на первый взгляд, способно служить цели пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

99. По мнению Суда, вопрос целесообразности возобновления внутреннего производства может быть успешно решен государством — ответчиком (под контролем Комитета Министров) при выборе принимаемых во внутреннем правовом порядке мер с целью прекращения установленного Судом нарушения и максимально возможного устранения неблагоприятных последствий этого нарушения.

В силу вышеизложенного Суд единогласно признал жалобу на основании пункта 1 статьи 6 Конвенции приемлемой;

постановил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в части требования о беспристрастности;

постановил, что нет необходимости в отдельном рассмотрении возможного нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении принципа равенства сторон и требования о состязательности процесса;

постановил,

а) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю в течение трёх месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции 2500 евро (две тысячи пятьсот евро) плюс любые налоги, которые могут быть взысканы с указанной суммы компенсации морального вреда с конвертацией в валюту государства-ответчика по курсу конвертации, установленному на день выплаты;

б) по истечении указанного трёхмесячного срока в течение периода просрочки и вплоть до момента выплаты на указанные суммы начисляются простые проценты по предельной учётной ставке Европейского центрального банка плюс три процента;

отклонил оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке, письменное уведомление о Постановлении разослано 20 сентября 2016 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Фатом Арачи,
Заместитель Секретаря Секции

Луис Лонес Герра,
Председатель Палаты

Библиографическое описание:

Постановление Европейского Суда по правам человека по делу *Карелин против России* (жалоба № 926/08) от 20 сентября 2016 года // Международное правосудие. № 4 (20). 2016. С. 27—41.

**European Court of Human Rights:
Judgment in the case *Karelin v. Russia*
(Application no. 926/08)
of 20 September 2016**

This publication presents the Russian translation of the Judgment of the European Court of Human Rights in the case *Karelin v. Russia* of 20 September 2016. The case originated in an application (no. 926/08) against the Russian Federation lodged with the Court under Article 34 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms by a Russian national, Mr Mikhail Karelin on 19 November 2007. The applicant complained that the lack of a prosecuting party in the administrative offence case against him had entailed a violation of Article 6 of the European Convention. The applicant argued that despite the low fine imposed on him in the circumstances of his case, the latter raised important issues relating to systemic deficiencies in domestic law, entailing a violation of the requirement of impartiality and/or the principle of equality of arms and the requirement of adversarial procedure. The Court declared the case admissible. After examining all circumstances of the case in the course of hearings and considering a large number of examples from the Court's practice, the ECtHR held that there has been a violation of Article 6 § 1 of the Convention on account of the impartiality requirement. The Court also held, *inter alia*, that the respondent State is to pay the applicant, within three months of the date on which the judgment becomes final in accordance with Article 44 § 2 of the Convention, EUR 2,500 euros (plus accompanying tax reimbursement and currency corrective sums), though dismissing some applicant's claims for just satisfaction.

Citation

(2016) Postanovlenie Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka po delu *Karelin protiv Rossii* (zhaloba No. 926/08) ot 20 sentyabrya 2016 goda [European Court of Human Rights: Judgment in the case *Karelin v. Russia* (Application no. 926/08) of 20 September 2016]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 4, pp. 27—41. (In Russian).